

КОНЦЕПЦИЯ И. ИЛЬИНА О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ И РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

© Дмитрий Сергеевич ПИЛИПЧУК

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра философии,
e-mail: ray3dog@yandex.ru

Вопрос о правомерности насилия и о ненасилии в русской религиозной философии имеет свою историю, отличающуюся от философии западной. Истоки тому лежат не только в своеобразии русской философии, но в исторических реалиях становления русской государственности. Русь и затем Россия, по мнению русского религиозного философа И. Ильина, сформировались в русле «восточного христианства». Философ считал, что нигде внутреннее сопротивление злу не разработано с такою глубиной и мудростью, как у аскетических учителей восточного православия, таких как Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, Ефрем Сирийский, Иоанн Лествичник.

В Евангелиях тема насилия отражена двояко. Вооруженного отпора сам Христос оказывать не хотел. Тем не менее, защите проповедей христиан он не препятствовал, в т. ч. и вооруженной, ибо существуют моральные и духовные ценности, во имя которых стоит умирать.

И. Ильин в последней главе своей книги «О сопротивлении злу силой» говорит о взаимосвязи между воином и священником, о том, каким образом осуществляется это взаимодействие, приводя в пример взаимоотношения Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Известно о духовной поддержке идей И. Ильина такими иерархами русской православной церкви, как Митрополит Антоний, Архиепископ Анастасий Иерусалимский и епископ Тихон Берлинский.

Ключевые слова: И. Ильин; концепция о сопротивлении злу силой; насилие и ненасилие; русская христианская православная традиция; добро и зло.

Вопрос о правомерности насилия и о ненасилии в русской религиозной философии имеет свою отдельную историю, отличающуюся от его развития в философии западной. Истоки тому лежат не только в своеобразии русской философии, но в исторических реалиях становления русской государственности. «Вся история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных общинах лучшие люди гибли, насилуемые худшими, причем это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим планомерный и организованный отпор» [1, с. 402], – писал И. Ильин в своей книге «О сопротивлении злу силой». Тем не менее, становление государственности в различных странах происходило по-разному, и нельзя не учитывать национально-культурных особенностей, присущих той или иной исторической общности. Фольклорные источники, как зеркальное отражение бытия народа, не дают оснований для того, чтобы считать славян воинственными и готовыми к кровопролитию и насилию. Именно в народной среде была придумана поговорка, как нельзя лучше выражающая идею толерантности и ненасилия: «Худой мир лучше доброй ссоры». История Древней Руси, как и многих государств Европы, свидетельствует, что войны велись с

целью обеспечения наиболее оптимальных условий существования в последующем мирном времени. «Древнерусские купцы – как, впрочем, и купцы всех прочих народов – первоначально были наполовину воинами, и только наполовину купцами. Так, результатом одной из побед русских над греками было заключение договора о беспошлинной торговле и о содержании торгового представительства Киевской Руси за счет Константинополя. И знаменитое прибавление щита к воротам Царьграда отнюдь не было знаком его покорения. Оно символизировало всего лишь успешное окончание переговоров о торговле на новых условиях» [2, с. 165]. При этом, свидетельства о том, что принятие христианства на Руси, как и многие другие «новшества», такие, например, как введение в обиход картофеля, сопровождалось очевидным насилием со стороны государства и бунтами, нет оснований не верить. По мнению И. Ильина, Русь, и затем Россия, сформировались в русле «восточного христианства»: «нигде, кажется, это внутреннее сопротивление злу не разработано с такою глубиной и мудростью, как у аскетических учителей восточного православия» [1, с. 415].

В Евангелиях тема насилия отражена двояко. С одной стороны, говорится о том,

что ударившему нужно подставить другую щеку, и о том, что «блаженны миротворцы». С другой стороны, речь идет о том, что «взявшие меч мечом погибнут», что можно отвечать насилием и вооруженной борьбой, способной причинить смерть, в ответ на нападение. Вопрос о мече в христианстве был чрезвычайно важен, если учесть, какую роль в истории сыграли крестовые походы и войны за веру. Священное Писание трактовалось иногда сообразно запросам времени, тем более многие места его давали для этого весомые основания. После Тайной Вечери с учениками Христос сам завел речь о необходимости вооружаться, причем приобрести оружие следовало любой ценой: «Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет – продай одежду свою и купи меч. Они сказали: Господи! Вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Мф. 26: 51-54) [3]. Один из этих мечей использовал Петр, чтобы защитить Учителя, когда Его пришли брать под стражу в Гефсиманском Саду: «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец. Тогда войны и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его» (Мф. 26: 51-54) [3]. Вооруженного отпора сам Христос оказывать не хотел. Тем не менее, защите заповедей христианства не препятствовал, в т. ч. и вооруженной, ибо существуют моральные и духовные ценности, во имя которых стоит умирать. Однако это понимание Господь недвусмысленно исключил одной фразой, сказанной Петру: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут...» (Мф. 26: 52) [3]. Эта же грозная мысль повторяется в Откр. 13: 10: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых» [3]. Двойному толкованию меча в Евангелиях посвящены в т. ч. работы религиоведов герменевтического направления, отраженные в культурно-историческом комментарии к Новому Завету [3]. Согласно этой точке зрения, ученики должны были вооружиться, чтобы у правителей появился еще один формальный повод арестовать Иисуса.

Упомянув о мече, Иисус не призывает к насилию, а к временному и символическому

акту – двух мечей достаточно, чтобы Его можно было счесть мятежником и, следовательно, «причесть к злодеям» (в соответствии с Ис. 53: 12). Без верхней одежды ночью человек мог замерзнуть и простудиться, но Иисус говорит, что это лучше, чем если ученики окажутся невооруженными в предстоящем конфликте. Принцип аналогии веры и аналогии Писания настаивает на том, что повеление купить меч было сиюминутным, казуистическим, относящимся только к одному вечеру – вечеру ареста Христа [3].

«Вся дохристианская восточная аскетика имеет два уклона: отрицательный – поборающий и положительный – возводящий», – пишет И. Ильин. – Это есть то самое «не во плоти воинствование» (стратегия), о котором разъясняет Коринфянам апостол Павел» [1, с. 412].

У христианских мыслителей восточной православной аскетики начала зла объективируются в образы невещественных демонов и дьявола. «Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, Ефрем Сирианин, Иоанн Лествичник и другие учат неутомимой внутренней «брани» с «непримечаемыми» и «ненасилюющими» «приращениями злых помыслов», а Иоанн Кассиан прямо указывает на то, что «никто не может быть прельщен дьяволом, кроме того, кто «сам восхощет дать ему своей воли согласие» [1, с. 213].

Один из наиболее почитаемых русских святых, Сергей Радонежский, несмотря на то, что не оставил после себя письменного наследия, известен активным участием в исторических перипетиях своего времени. «По словам одного современника, Сергей «тихими и кроткими словами» мог действовать на самые загубелые и ожесточенные сердца; очень часто примирял враждующих между собой князей, уговаривая их подчиниться великому князю московскому (например, ростовского князя – в 1356 г., нижегородского – в 1365 г., рязанского Олега и др.), благодаря чему ко времени Куликовской битвы почти все русские князья признали главенство Дмитрия Иоанновича» [2, с. 202]. По версии жития, отправляясь на эту битву, последний в сопровождении князей, бояр и воевод поехал к Сергию, чтобы помолиться с ним и получить от него благословение. Благословляя его, Сергей предрек ему победу и спасение от смерти и, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», отправил с ним двух

иноков княжеского рода, хорошо владеющих оружием, Пересвета и Ослябю. Хотя, по канонам Русской православной церкви, монахам и священнослужителям было запрещено участвовать в боевых действиях. Существует также версия (В.А. Кучкин), согласно которой рассказ жития о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем относится не к Куликовской битве, а к битве на реке Воже (1378 г.) и связан в более поздних текстах («Сказание о Мамаевом побоище») с Куликовской битвой как с более масштабным событием. «Приблизившись к Дону, Дмитрий Иоаннович колебался, переходить ли ему реку или нет, и только по получении от Сергия ободрительной грамоты, увещевавшей его как можно скорее напасть на татар, приступил к решительным действиям» [2, с. 209]. И. Ильин в последней главе своей книги «О сопротивлении злу силой» говорит о взаимосвязи между воином и священником, о том, каким образом осуществляется это взаимодействие, приводя в пример именно взаимоотношения Сергия Радонежского и Дмитрия Донского: «Воин как носитель меча и мироприемлющего компромисса нуждается в монахе как в духовнике, в источнике живой чистоты, религиозной умудренности, нравственной плеромы: здесь он приобщается благодати в таинстве и получает силу для подвига, здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. И самый меч его становится *огненной молитвой*. Таков Дмитрий Донской у св. Сергия перед Куликовой битвой» [1, с. 573]. В книге И. Ильина монах как живой хранитель чистоты и праведности познает и «приобщается через воина бремени мира, его страданию и его героической неправедности; он уже не отрешается и не замыкается в своей праведности: он бережет и строит ее не для себя: он не отвертывается от зла и злых обстоятельств, а вступает в борьбу с ними, становясь соратником воину, разделяя его страдания, благословляя и осмысливая его подвиг, сохраняя для него чистоту и умудрение» [1, с. 569]. Одновременно философ утверждает, что священник выступает как бы ангелом-хранителем воина, и «самая молитва его уподобляется *огненному мечу*» [1, с. 569]. Таким, по мнению философа, является св. Сергий, благословляющий Дмитрия Донского и дающий ему в спутники двух вооруженных послушников.

Среди сторонников книги Ильина были и духовные лица. Архиепископ Анастасий написал философу несколько писем, где говорится: «Какой, по вашему мнению, меч благословлял Преподобный Сергий Радонежский и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя? Я беру самые понятные русскому сердцу примеры. Раскол около такой жгучей и острой темы, как Ваша, неизбежен» [4, с. 257].

В XIX в. проповедями о подчиненности интересов христиан государственной власти был известен Иоанн Кронштадтский, активно критиковавший учение о непротавлении злу силой Л. Толстого. Писатель порицается Иоанном Кронштадтским за подрыв страха перед Богом, на котором держится вся этика и, в конечном счете, все институты русского государства. Толстовство признается губительным для российской армии, для российской системы судопроизводства, для всей системы государственных учреждений. Взгляды И. Ильина на учение Л. Толстого не так линейно однозначны. «Нет сомнения, что граф Л.Н. Толстой и примыкающие к нему моралисты совсем не призывают к такому полному несопротивлению, которое было бы равносильно добровольному нравственному саморазвращению. И неправ был бы тот, кто попытался бы понять их в этом смысле», – считает И. Ильин. – «Когда граф Л.Н. Толстой и его единомышленники призывают к внутреннему преодолению зла, к самосовершенствованию, к любви, когда они настаивают на необходимости строгого суда над собою, на необходимости различать «человека» и «зло в нем», на неправильности сведения всей борьбы со злом к одному внешнему принуждению, на духовном и нравственном преимуществе убеждения, – то они следуют в этом за священной традицией христианства; и они правы. Таинственный процесс расцвета добра и преображения зла осуществляется, конечно, любовью, а не принуждением, и противиться злу следует *из любви, от любви и посредством любви*» [1, с. 433].

Обоснования оправдания насилия, применяемого государством и высшей властью в своих целях, находятся не только в писаниях святых отцов, но и в области метафизики. «Философия должна быть воинствующей, – писал о роли философа в годы войны Данилевский в книге «Россия и Европа», – философы воюющих держав должны вести свою войну, стремясь подавить и победить оппо-

нентов». В подобном контексте теория Ильина о сопротивлении злу силой выглядит органично и оправданно, особенно если учесть развитие исторической ситуации в России и Европе в начале XX в. Публицист Л. Добронравов в статье «Оправдание меча и убийства» подробно рассматривает идеи И.А. Ильина в сопряжении с христианской религией, отмечая, что «полемика о «православном мече» интересна потому, что касается вопросов очень больных для христианского сознания всех времен, а нашего в особенности [4]. «Ссылка профессора И. Ильина прямо на Апостольские Послания, минуя Евангелие, очень характерна не только для данного случая, но и для всего православно-утилитарного мировоззрения г. Ильина», – считает автор статьи. «Нам кажется, что для установления христианского взгляда на государственность следует обратиться к первоисточнику христианского учения, к Евангелию. Когда фарисеи задали Христу провокационный вопрос о том, платить ли подать Кесарю (т. е. подчиняться ли тогдашней римской власти), Христос ответил: «Воздайте Кесарю Кесарю, а Божие – Богу»... Говорится, «чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей». Чем? Апостол ясно говорит – «добром». Почему проф. И. Ильин и в данном случае поднимает меч за апостола, совершенно непонятно» [4, с. 595-596].

Категорическое повеление Божие было путеводным лучом в самые свирепые времена истории: все-таки вечная, высшая истина – «не убий»! Решая вопрос о смертной казни, Л. Добронравов замечает: «История уголовно-политических учений от Платона до наших дней показывает, как текуче, изменчиво и непостоянно и содержание самого преступления, и точки зрения на него светской власти, которая сегодня не считает преступным деянием то, что вчера считала тягчайшим преступлением, как условно и зыбко то, что проф. И. Ильин считает «мерой необходимости» [4, с. 602].

Газета «Праведник» в дни публичных выступлений Ильина с лекциями в Праге, Париже, Берлине, пишет: «Мы читаем в книжке проф. Ильина объяснение и оправдание насилию, приравненному им к хирургической операции, жестокой, но необходимой, «кровоавому разрезу» [4]. Столыпин тоже уверял, что смертная казнь – не месть, а кровавый хирургический разрез. Ленин держал-

ся приблизительно того же мнения. Но последний аргумент г. Ильина о духовной поддержке таких иерархов, как Митрополит Антоний, Архиепископ Анастасий Иерусалимский и Епископ Тихон Берлинский, дает ему уверенность в том, что он «не изобрел никакой новой ереси». Если так, то зачем же виллять и зачем вести фальшивые речи о братстве, амнистии и т. д. Ведь индульгенция дана?» [1, с. 186]. Равные по силе аргументы приводили и сторонники учения И. Ильина, не менее убедительно доказывая, что идеи его верны. Известно, что И. Ильин неоднократно и триумфально выступал перед военной аудиторией в Берлине, Париже и других городах Европы, встречая полную поддержку своей теории.

Есть основания считать, что вопрос о ненасилии актуален и в трудах деятелей современного христианства. Весьма почитаемый в России и за границей митрополит Антоний Сурожский, являющийся фактически нашим современником (умер в 2003 г.), книжное наследие которого невелико, был известен своими проповедническими выступлениями, которые широко расходились в аудиозаписях. Одно из них – беседа «О насилии», которая проведена Владыкой для слушателей Королевского военно-научного колледжа (Royal Military College of Science) в Суиндоне 16 апреля 1986 г. Текст был воспроизведен по аудиозаписи, которую, вероятно, сделал сам Владыка с помощью своего кассетного диктофона. Митрополит Антоний Сурожский, взгляды которого перекликаются с идеями Ильина, говорил: «Насилие – это действие или ситуация, в которой намеренно (а порой и непреднамеренно) применяется сила в попытке посягнуть на независимость человека, группы людей или страны, в попытке разрушить цельность человека, принудить его стать не тем, кто он есть, или заставить поступать вопреки велениям совести, вопреки убеждениям, вопреки своей природе. Это – отрицательная сторона насилия, но при всем том в Евангелии есть место, в котором говорится, что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» [5, с. 151]. В данном случае, по мнению А. Сурожского, религиозный текст ясно говорит: если мы хотим войти в Царство Небесное, нам придется принудить себя, совершить насилие над собой, придется всеми силами сразиться ради того, чтобы сломить все преграды: мы должны заставить

себя открыться действию Божию, позволить Ему одержать в нас победу. «Это совсем не то, что обычно понимается под фразой *«Царство Небесное силою берется»*, которая приводит в недоумение тех, кто пользуется только одним переводом Евангелия и строит свое богословие на тексте одного переводчика или группы переводчиков» [5, с. 148]. Митрополит Антоний Сурожский полностью разделяет мнение И. Ильина о сложности, противоречивости современного мира: «Мне захотелось сказать об этой стороне насилия, потому что нам чрезвычайно важно сознавать: жизнь – не плавный переход от одного состояния к более высокому, от одной ситуации к другой. Мы живем в мире, который изуродован на всех уровнях, и это естественным образом порождает в нас конфликт, – конфликт между естественной, богоданной тоской по полноте, по избытку жизни, и всем тем, от чего жизнь мельчает, всем тем, что препятствует нашему исполнению. Свободу можно обрести, лишь совершив над собой насилие, т. е. обратив все силы, всю свою позитивную энергию против того ложного, дурного, ущербного, что в нас есть, против всего, что мешает вырасти в полноту, которая составляет наше человеческое призвание» [5, с. 157]. А. Сурожский говорит, что человеческая природа не терпит пустоты: там, где нет добра, там неизбежно поселяется зло, и в душах людей борьба между злом и добром идет постоянно, как борьба между Богом и дьяволом за сами их души. Поэтому, говоря о насилии, по мнению А. Суроожского, неверно было бы безоговорочно отождествлять его со злом, причиняемым другим людям, или с проявлениями грубости, жестокости и подобными вещами в окружающем мире. Война, которую нам приходится вести, – внутри нас, и главнокомандующие в ней – Господь Иисус Христос и Дух Святой, дарованный нам. Им предстоит одержать в нас победу, а мы оказываемся либо союзниками, либо противниками Божьими в этой борьбе Бога за овладение всем нашим существом, что одновременно есть наше исполнение. Нам необходимо осознать, что в нас действует закон войны, и поэтому нам нужно учиться, как выбирать себе союзников и распознавать врагов, и как сражаться с тем, что в нас неладно. Об этой войне духовные наставники сказали бы: чтобы одержать победу в нашем внутреннем «я» и во всей нашей жизни, Богу нужна наша помощь. Антоний Сурож-

ский опирается на мнение И. Ильина, что человек не является изначально праведником, и борьбу со злом он ведет не в качестве праведника и не среди праведников. «Самая в себе начало зла, и поборая его в себе, и далеко еще не поборов его до конца, он видит себя вынужденным помогать другим в их борьбе и пресекать деятельность тех, которые уже предались злу и ищут всеобщей гибели. Пресекающий сам стоит в болоте, но нога его уперлась в твердое место, и вот он уже помогает другим, засасываемым трясинною, выйти на твердое место, стремясь ограждать их и спасти, и понимая, что он сам уже не может выйти сухим из болота» [5, с. 153]. Поэтому Антоний Сурожский приводит слова апостола Павла о том, что мы все – соратники Божии. «Мы – не пассивные предметы в руках Божиих, которыми Он распоряжается, над которыми вершит Свою волю. Бог предлагает нам Свою силу, но мы должны решиться воспользоваться ею. Он предлагает нам всего Себя, но нам решать, принять этот дар или отказаться, отвергнуть его. И в этом смысле мы столь же активны, как Бог активен. Я с этого начал, потому что намеревался как бы освободить слова «насилие» и «конфликт» от исключительно негативных ассоциаций, которые очевидны, просты. Если мы осознаем, что конфликт может стать созидательным, когда он коренится в любви, в самоотдаче, в любви крестной, жертвенной, то положение изменится. Если в таком духе подходить к конфликтам, то можно попытаться действовать творчески, и тогда конфликт, ненависть, агрессия потеряют свою разрушительную силу» [5, с. 156].

Злодеяние требует от большинства людей непосильного порой героизма, конкретных решительных поступков; неспособность ответить злодею отравляет душу человека сознанием собственного предательства. Поэтому пресекающий внешнее зло помогает всем другим людям не подпасть под его влияние. Люди отличаются друг от друга степенью моральной и духовной зрелости. Есть, по Ильину, люди, не окрепшие в добре, но и не закоренелые злодеи – для них любое свободное злодеяние будет соблазном. Есть люди слабые, которых можно подчинить посредством страха, принуждая поддерживать насилие. А. Сурожский смыкается с Ильиным, который говорил, что никто не может остаться в стороне: «Столкнувшись с насилием лицом к лицу, сказать, что агрессия –

зло, все равно, что решить для себя: «Я – созерцатель, я – сторонний наблюдатель, я вмешиваться не собираюсь» [5, с. 148]. По мнению А. Сурожского, «легко отрицать насилие вообще, но приходит момент, когда мы вынуждены поставить перед собой вопрос: то, что я собираюсь сделать, – насилие или отпор? Вправе ли я дать отпор насильнику ценой риска или правильнее позволить насилию безудержно распространяться? Допустимо ли предоставлять все права преступнику и отказывать в них жертве? Недостаточно решить для себя: «В своих действиях я дойду до такого-то предела и на этом остановлюсь», потому что заранее нельзя рассчитать, как далеко придется зайти...» [5, с. 148].

А. Сурожский высказывает важную сегодня мысль о том, что насилие, зачастую, чинится будто бы во имя ненасилия: это христианский или иной фанатизм: «Я упомянул христианский фанатизм потому, что это – наш грех, и нам следует заняться бревном в собственном глазу. Взять, к примеру, нашу всегдашнюю готовность кого-то осуждать; кого – найдется, у нас у всех есть излюбленная жертва. Кто-то из нас, быть может, готов примириться с тем или иным направлением христианства или гуманизма, или религии, или атеизма, но на что все вместе мы готовы – это на агрессию и на осуждение» [5, с. 150]. Рассуждения А. Сурожского близки мыслям И. Ильина о сложности нравственного выбора: «Нам все время приходится принимать решения, именно это делает жизнь такой трудной, и каждое решение, каждый выбор, в некотором смысле, вовлекает нас в сердцевину конфликта, другого не дано. Признаюсь, для меня это тоже проблема. Мне думается, выработать единое правило невозможно. Ситуацию необходимо сначала оценить, и только потом можно сказать: это – насилие, а это – нет. Можно приказывать людям: «Найдите способ сосуществовать мирно», но что делать, если они откажутся? Поэтому, я думаю, в любой ситуации, в любой части света, при любом режиме мы упускаем из виду, что необходимо больше обращать внимание на агрессора, а не только на жертву» [5, с. 158]. «Когда речь идет о внутреннем или духовном сопротивлении злу, с его необходимостью согласны все мыслители, философы, религиозные практики», – считает И. Ильин и, вслед за ним, Антоний Сурожский. «Проблема возникает тогда, когда встает вопрос о внешней борьбе со злом, и

именно физическом понуждении и пресечении», – пишет Ильин [1, с. 485]. «Именно здесь находится «сердцевина конфликта», – подобно И. Ильину, указывает Антоний Сурожский. Если невесту на глазах жениха насилуют негодяи, а он не в силах ее защитить, то от такого жениха любая девушка должна отказаться. Наглядным примером А. Сурожский убеждает слушателей в своей правоте. Вопрос о победе добра над злом существует для И. Ильина и Антония Сурожского не абстрактно, но конкретизирован до личной практической задачи.

И. Ильин, подытоживая многовековой христианский религиозный опыт, считает, что «самая идея о возможности «сопротивляться посредством непротивления» даруется человечеству и оказывается применимой тогда и постольку, когда и поскольку общий, родовой процесс обуздания зверя в человеке грозой и карою («Ветхий Завет») создает накопленный и осевший итог обузданности и воспитанности, как бы экзистенц-минимум правосознания и морали, открывающий сердца для царства любви и духа («Новый Завет») Однако новое учение отнюдь не отрицает, не отменяет и не отвергает угрозу и кару; по-прежнему необходим и меч, и «Божий слуга» «в наказание делающему злое» (Римл. XIII: 4) [1, с. 402].

В наше время А. Кураев [6], выступая с речью о решении вопроса о ненасилии, проводит сопоставления между книгой И. Ильина и сочинением В. Соловьева «Три разговора». Приводя пример оправданного на войне насилия, и в т. ч. убийства, А. Кураев озвучивает мнение современного православия по этому поводу. Он говорит, во-первых, о признании допустимости войны, но не захватнической, а оборонительной. Во-вторых, он говорит о необходимости отлучения на трехлетний срок от причастия воинов, поневоле совершавших убийство на войне, хотя и получивших перед уходом благословение священника [6]. Такова позиция современной русской православной церкви, имеющей в сонме святых лиц, имевших воинское звание – начиная от маршала-флотводца Ф.Ф. Ушакова, заканчивая мучеником Евгением (солдатом первой русско-чеченской войны, замученным в ваххабитском плену, Е. Родионовым [7]), лики которых находятся не только во многих русских православных церквях, но и за границей. В мае 2011 г. Е. Родионов включен, например, как

«новомученик Евгений Воин» в воинскую панихиду, рекомендованную православным капелланам армии Соединенных Штатов Америки для совершения поминовения погибших воинов в праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи и Димитриевскую субботу [7].

«Всякий народ переживает во время войны такое духовное и нравственное напряжение, которое, в сущности говоря, всегда превышает его силы: от него требуется *массовый героизм*, тогда как героизм всегда исключителен, от него требуется массовое самопожертвование, тогда как самопожертвование есть проявление высокой добродетели, от него требуется сила характера, храбрость, победа духа над телом, беззаветная преданность духовным реальностям... И все это оказывается связанным с делом массового человекоубиения, с делом вражды и разрушения. Война предъявляет к человеку почти *сверхчеловеческие* требования: и если народ порывом поднимается на надлежащую высоту, то по окончании порыва, обыкновенно выдыхающегося задолго до окончания войны, уровень народной нравственности всегда оказывается павшим» [1, с. 544], – так пишет И. Ильин, и его мысль повторяется у А. Кураева: совершаемое даже невольно зло растлевает человека, поэтому и церковь, по А. Кураеву, отлучает таких людей от причастия. Подобную ситуацию можно назвать трагической: И. Ильин, как и церковные мыслители и иерархи всех времен, признавал, что убийство человека, ни с какой стороны, не может быть названо нравственным поступком.

Вопрос о добре и зле, о насилии и ненасилии И. Ильин разрешает, по его мнению, именно в рамках канонического христианского православного вероучения, замечая, что «всякая зрелая религия не только открывает природу «блага», но и научает борьбе со злом. Духовный опыт человечества свидетельствует о том, что несопротивляющийся злу не сопротивляется ему именно постольку, поскольку он сам уже зол, поскольку он внутренне принял его и *стал им*. И потому предложение, всплывающее иногда в периоды острого искушения, – «предаться злу, чтобы изжить его и обновиться им» – исходит всегда от тех слоев души или, соответственно, от тех людей, которые уже сдались и жаждут дальнейшего падения: это прикровенный голос самого зла» [1, с. 546].

В христианстве православие рассматривает ненасилие как любовь к Богу: «не убий», «возлюби ближнего своего», «не противься злему». Через любовь к Богу христианин познает и смысл любви к ближнему, он строит свои отношения с ним на ненасилии. Пребывая в пространстве свободной воли, насилие и ненасилие раскрываются как убеждающий (ненасилие) и принуждающий (насилие и ненасилие) типы социального действия. В этой связи концепты «насилие» и «ненасилие» приобретают ярко выраженный оценочный смысл, потому что критерием дифференциации насильственной и ненасильственной разновидности принуждения выступает социально обусловленная оценка совершаемого действия принуждаемым индивидом. По мнению исследователя философии ненасилия А.В. Перцева [8], дилемма «насилие – ненасилие», таким образом, является существенным критерием социальных, а не только нравственных оценок. Идеал ненасилия, сформулированный в Нагорной проповеди Иисуса Христа, обозначил резкий поворот в истории европейских народов. Заповеди непротивления злу насилием, любви к врагам были настолько же ясными, насколько и парадоксальными; они часто противоречат здравому смыслу, инстинктам и социальным мотивам человека, это вершина, которой человеку трудно достичь. В современном христианском православном вероучении вопрос, таким образом, разрешается амбивалентно: в духе «православно-государственного» утилитаризма современной церкви, с одной стороны, и в качестве вечно христианского идеала – с другой. Философское мировоззрение И. Ильина отличалось цельностью и искренностью и опиралось на христианство Нового Завета. Мыслитель не видел противоречий в священных текстах, а напротив, находил в них подтверждение своих взглядов. В лекции 1940 г. «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)» Ильин говорил: «Да, наше своеобразие от нашей веры, от принятого нами и вскормившего нашу культуру греческого Православия, по-своему нами воспринятого, по-своему нами переработанного и по-особому нас самих переработавшего» [9, с. 470]. Концепция И. Ильина о сопротивлении злу силой, таким образом, не противоречит русской христианской православной традиции [10].

-
1. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. М., 2007. С. 375-577.
 2. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 2006.
 3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические. М., 2011.
 4. Ильин И.А. Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 2004.
 5. Антоний, митрополит Сурожский. О насилии // Новый мир. 2013. № 5. С. 146-159.
 6. Кураев А. Видеолекции и выступления. URL: http://predanie.ru/audio/lekcii/kuraev/index.php?bitrix_include_areas=N&d0=lekcii&d1=kuraev (дата обращения: 13.11.2013).
 7. О Евгении Родионове. URL: <http://www.pravda.ru/faith/religions/orthodoxy/24-05-2006/85545-rodionov-0/> (дата обращения: 13.11.2013).
 8. Перцев А.В. Философия ненасилия. Екатеринбург, 2007.
 9. Ильин И.А. О национальном призвании России. М., 2008.
 10. Бегичев П. Блог человекообразного попа. Трудные тексты Библии. URL: <http://blog.begichev.info/2013/06/19/> (дата обращения: 13.11.2013).
1. Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu // Il'in I.A. Pochemu my verim v Rossiyu. M., 2007. S. 375-577.
 2. Kuchkin V.A. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. M., 2006.
 3. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta, kanonicheskie. M., 2011.
 4. Il'in I.A. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Il'ina v vospominaniyakh, doku-mentakh i otsenkakh russkikh mysliteley i issledovateley. SPb., 2004.
 5. Antoniy, mitropolit Surozhskiy. O nasilii // Novyy mir. 2013. № 5. S. 146-159.
 6. Kuraev A. Videolektsii i vystupleniya. URL: http://predanie.ru/audio/lekcii/kuraev/index.php?bitrix_include_areas=N&d0=lekcii&d1=kuraev (data obrashcheniya: 13.11.2013).
 7. O Evgenii Rodionove. URL: <http://www.pravda.ru/faith/religions/orthodoxy/24-05-2006/85545-rodionov-0/> (data obrashcheniya: 13.11.2013).
 8. Pertsev A.V. Filosofiya nenasiliya. Ekaterinburg, 2007.
 9. Il'in I.A. O natsional'nom prizvanii Ros-sii. M., 2008.
 10. Begichev P. Blog chelovekoobraznogo popa. Trudnye teksty Biblii. URL: <http://blog.begichev.info/2013/06/19/> (data obrashcheniya: 13.11.2013).
-

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 1(091)

CONCEPT OF I. ILYIN OF RESISTANCE TO EVIL BY FORCE AND RUSSIAN ORTHODOX CHRISTIAN TRADITION

Dmitriy Sergeyevech PILIPCHUK, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Philosophy Department, e-mail: ray3dog@yandex.ru

The question of the legality of violence and nonviolence in Russian religious philosophy has a history different from Western philosophy. Origins are not only in a distinctive Russian philosophy, but also in historical realities formation of Russian statehood. Rus and then Russia, according to Russian religious philosopher I. Ilyin, formed in line with the “Eastern Christianity”. The philosopher believed that nowhere the internal resistance to evil is not designed with such depth and wisdom like the ascetic teachers of Eastern Orthodoxy, such as Anthony the Great, Macarius the Great, Mark the Ascetic, Ephrem the Syrian, John the Ladder.

In the Gospels the theme of violence is reflected in two ways. Armed resistance Christ himself did not want to provide. However, the protection does not prevent Christians sermons, including armed and because there are moral and spiritual values in whose name worth dying for.

I. Ilyin in the last chapter of his book “On the resistance to evil by force” says that the relationship between the warrior and priest about how this interaction is carried out, citing the example of it is the relationship of one of the most venerated Russian saints Sergius of Radonezh and Dmitry Donskoy. It is known about the spiritual support of such ideas of Ilyin by the hierarchs of the Russian Orthodox Church as Metropolitan Anthony, Archbishop Anastasios of Jerusalem and Bishop Tikhon Berlin.

Key words: I. Ilyin; concept of resistance to evil by force; violence and nonviolence; Russian Christian Orthodox tradition; good and evil.